

УДК 327.7:061.1ЄС
ББК 66.4.(4)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ЕС: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

Гнатюк Николай Николаевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
Национального университета «Киево-Могилянская академия»
mgnatyuk@gmail.com
ул. Сковороды, 2, 04655 г. Киев, Украина

Аннотация. Евросоюз является участником мировой политики, к которому сложно применить традиционные критерии политической субъектности. Его активное международное присутствие стимулирует моделирование свойств международного актора за рамками дихотомии «государство – международная организация». Предложенный подход оценки международной субъектности дает возможность рассмотреть политическую деятельность ЕС на основе согласованной системы взаимодействия переменных международного и внутреннего уровней анализа.

Ключевые слова: актор международных отношений, политическая субъектность, международная система, Европейский союз, интеграционные структуры.

Каким критериям должен отвечать субъект международной политики? В современной международной системе критерии политической субъектности идентичны атрибутам государства: территория, население, признание и, конечно, способность реализовывать внешнюю политику с помощью военной силы. Этим критериям отвечают Вашингтон, Пекин или Москва и совсем не соответствует Брюссель, именно тот, который ассоциируется с Европейским союзом, а не с Бельгией. Вместе с тем «реальная» международная политика говорит о том, что присутствие и влияние ЕС в мировой политике гораздо больше, чем некоторых «великих» государств. В связи с этим возникает вопрос: почему небольшая страна априори считается субъектом международной политики, а ЕС, который способен оказывать значительное влияние в международной системе, в лучшем случае трактуется как разновидность межгосударственного союза, а в худшем – как международная организация или инструмент внешней политики своих государств-членов?

Со времени создания первых интеграционных структур политическое присутствие ЕС на международной арене настолько возросло, что появились основания утверждать, что формируется особый тип политической организации, которая находится на стыке государственной и международной системы. Особая природа ЕС не дает возможности соотносить его с имеющимися типами международных политических акторов, однако это совсем не означает, что он не может действовать как целостный политический актор, способный формировать свою внешнюю политику. Особый характер политической субъектности ЕС стимулирует поиск критериев ее оценки.

Отправной точкой для разработки характеристик международной субъектности может служить идея политической субъектности негосударственного образования. Как утверждают К. Косгроув и К. Твичетт, которые впервые обратились к концептуализации политической субъектности «новых международных акторов», международный негосударственный актор в отличие от государств дол-

жен отвечать определенным критериям. Поскольку ЕС действует как «эгоцентрическая региональная единица», способная осуществлять прямое влияние на многие аспекты европейской и международной жизни, это формирует предположение о наличии у него потенциала политической субъектности [4, p. 51].

Однако прежде чем идентифицировать переменные политической субъектности, следует сформировать теоретические рамки, которые позволяют рассмотреть международную деятельность ЕС, не ограничиваясь дихотомией «международная организация – государство». Традиционно государственно-центристские подходы имплицитно рассматривают ЕС в контексте наднациональной – межгосударственной альтернативы и отрицают возможность политической субъектности, поскольку он лишен необходимых для этого атрибутов государственности. Как следствие, ЕС классифицируется как международная организация или совокупность международных структур, например таможенный союз и политический союз, которые продвигают интересы своих государств-членов. Естественно, что такое положение дел при рассмотрении политической субъектности не приближает к пониманию процессов, которые происходят в европейской региональной и мировой политических системах, и приводит к существенным концептуальным натяжкам и даже теоретическим разногласиям.

Учитывая то, что логика наднациональной и межгосударственной альтернативы не способна охватить сложность политической организации и места ЕС в международной системе, возникает необходимость обращения к другим ракурсам политического анализа. Прежде всего речь идет о возможном использовании теоретических наработок представителей плюралистического подхода, в рамках которого происходит довольно успешное переосмысление природы межгосударственного взаимодействия в условиях увеличения взаимозависимости и глобализации. Исходным пунктом для теоретического обобщения международной деятельности ЕС может служить концепт международной субъектности. В отличие от попыток рассмотрения международной деятельности ЕС на основе типа актора в государственно-центристской системе коор-

динат, этот подход позволяет учесть интеграционную природу ЕС, проявлением которой является наличие лишь отдельных характеристик традиционных международных акторов.

Трудности, которые испытывают государственно-центристские подходы, концептуализируя ЕС как международного актора, связаны, в первую очередь, с односторонней трактовкой взаимосвязи международной системы и актора, когда государство считается системообразующим элементом международной системы. В этой связи целесообразно обратиться к идее обоюдного влияния структуры и агентов, которая базируется на предположении, что международные акторы не являются свободными агентами, а их поведение полностью определяется международными структурами.

Такой подход дает возможность отказаться от априорного отождествления политического актора с государством и учесть как его внутренние характеристики, так и требования международной системы. Как следствие, возникает потребность в разработке критериев политической субъектности, которая формируется на двух уровнях – уровне актора (агент), с одной стороны, и уровне международной среды (структуры) – с другого. Внутренние условия определяют способность международной деятельности актора, в то время как условия международной системы формируют возможности для внешнеполитической деятельности.

Поиск характеристик политической субъектности следует начать с рассмотрения понятия международного политического актора. Способность участника международного взаимодействия быть актором определяется степенью делимитации от внешнего мира и в данном контексте выступает своеобразным условием, что позволяет активно действовать в международных отношениях и реализовывать политику относительно других игроков мировой политики. Как утверждает Г. Шестедт, «быть актором – то же самое, что и иметь качество, которое обозначается как способность. Политическая единица, которая наделена таким качеством, является элементом международной системы и отвечает двум базовым требованиям: она заметна в окружающей среде, то есть имеет минимальную степень обо-

собственности, и владеет минимальным уровнем внутренней сплоченности. Если эти требования удовлетворяются, мы можем утверждать, что образование является автономным, что в свою очередь есть необходимое условие достижения способности актора» [17, р. 15].

Вместе с такими базовыми требованиями, как обособленность от внешнего окружения и определенная степень внутреннего объединения, наличие субъектности предполагает: способность артикулировать цели внешних действий и иметь ресурсы и систему их мобилизации; наличие институционализированной системы принятия решений и мониторинга, включительно со взаимозависимой системой управления; наличие инструментов реализации внешней политики, а также внешних агентов и каналов коммуникации [ibid., р. 74–109]. До этого перечня характеристик международного актора следует добавить наличие компетенций, которые формируются на основе делегированных полномочий и в отличие от конституционных полномочий государств распространяются не на все вопросы политики.

Соответствие двум базовым предпосылкам – обособленности от внешнего окружения и наличия определенной степени внутреннего объединения – обеспечивает необходимый уровень автономности международного актора. Автономность не имеет единого приемлемого определения. Так, например, Г. Шестедт рассматривает автономность как обособленность в международной системе с минимальным уровнем внутренней сплоченности [ibid.]; Р. Мансбах, Й. Фергюсон и Д. Ламперт определяют автономность как «независимую способность добиваться и получать информацию, использовать и уточнять, а также отвечать на нее» [16, р. 5]; Дж. Джюпил и Дж. Капоразо делают ударение на институциональном отличии и независимости (дискреционное формирование целей, принятие решений и имплементация) как ключевых особенностях. При этом институциональная отделенность означает, что международная организация должна иметь отдельную институциональную структуру, даже если она сформирована государствами-членами. В свою очередь, независимость указывает на то, что эти структуры формируют политические решения, когда

«дело выходит за пределы стандартных процедур принятия решений» [13, р. 218]. Таким образом, автономность как базовая характеристика политической субъектности не тождественна полной независимости от интересов государств-членов.

Наличие минимального уровня сплоченности является признаком того, что политическое образование является актором, а не просто действует как форум для согласования интересов государств-членов. Международный актор может действовать с разным уровнем сплоченности: от международной организации, которая реализует внешнеполитические предпочтения государств-членов, до унитарного политического образования. По мнению Дж. Джюпила и Дж. Капоразо, четыре взаимосвязанные формы сплоченности (сплоченность целей, тактическая сплоченность, процедурная сплоченность, сплоченность результата) могут быть ослаблены двумя типами конфликтов: горизонтальными, которые включают споры между учреждениями на одном уровне, например Европейской комиссией и Европейским парламентом или между государствами-членами, и вертикальными, к которым относятся споры между государствами-членами и учреждениями ЕС. Способность преодолевать эти конфликты определяет его горизонтальную (кросс-поляризация между внешнеполитическими инициативами Комиссии и Совета) и вертикальную сплоченность (лояльность и взаимная солидарность государств-членов) [ibid., р. 220].

Обособленность от внешнего окружения и наличия определенной степени внутреннего объединения делает актора «корпоративной», а не «коллективной» международной единицей, которая не равняется сумме своих составляющих. Учитывая международную деятельность и особую «многоуровневую структуру» ЕС как отдельного корпоративного актора, М. Йопп и П. Шлеттер делают ударение на важность возникновения «согласованности», которая означает отсутствие противоречий в формировании политики [12, р. 12]. Сogласованность тесно связана с критерием, который Г. Шестедт, Дж. Джюпил и Дж. Капоразо определяют как сплоченность, однако в официальном политическом контексте ЕС эти два термина имеют разное значение¹.

В определении параметров политической субъектности Евросоюза важную роль играют не только внутренние характеристики, поскольку формирование международного актора происходит во взаимодействии с внешним миром. Первой характеристикой дееспособности политического актора является его международное присутствие, а своеобразной регистрацией актора на международной арене – его признание. Признание другими означает, что с ним можно иметь дело, и очень часто выступает единственным достаточным условием международной субъектности, поскольку является «негативным» суверенитетом [13, р. 216]. При этом признание не обязательно должно быть де-юре – установление и поддержание контактов в разных сферах, то есть признание де-факто является достаточным условием для политического взаимодействия.

Международное присутствие актора можно определить как влияние на действия и ожидание других [2, р. 21]. Присутствие выступает как экономический и политический авторитет, основой которого является способность мобилизовать необходимые ресурсы для действий. Следует подчеркнуть, что присутствие международного актора формируется как на основе ресурсного потенциала и особой формы поведения, так и на восприятии его важности другими акторами международной системы. Например, невзирая на определенную пассивность присутствия, сам факт существования ЕС имеет значительное влияние на восприятие и интересы третьих сторон, несмотря на «непоследовательный, нечеткий и конкурентный образ формулирования внешней политики» [ibid., р. 20].

Поскольку международная деятельность негосударственного политического образования и внешняя политика государств имеют существенные отличия, концепт присутствия позволяет избежать необходимости определения статуса актора в международной политике. Не имея способности действовать как государство, ЕС пользуется «непостоянным и многомерным присутствием» в международной системе и играет активную роль в отдельных сферах политики [1, р. 48]. Как утверждает К. Хилл, концепт присутствия «позволяет не оказаться в тупике, когда мы анализируем ОВПБ в терминах суверенитета и над-

национальности и приходим к выводу, что ЕС не имеет внешней политики, в то время как здравый смысл и опыт других стран говорят противоположное» [11, р. 309].

С точки зрения «большой» политики, в реалистическом понимании присутствие может рассматриваться как «силовой потенциал» [7, р. 35]. Это особенно заметно благодаря влиянию внутренних политик и процессов в ЕС на других международных акторов. По мнению К. Бревина, это является основной причиной, которая подталкивает третьи страны вести разговор непосредственно с Сообществом как с автономным актором [3, р. 21]. Именно наличие значительного экономического потенциала, дополненного другими сферами деятельности, которые имеют внешнее измерение, не позволяет трактовать ЕС как инструментальную международную организацию.

Международная политическая субъектность требует не только присутствия на международной арене, но и практических возможностей для осуществления влияния на других акторов международных отношений. Поскольку негосударственные международные акторы, в том числе и ЕС, лишены традиционных для государств инструментов внешней политики², они не способны действовать аналогично государствам. В результате возникает разрыв между способностью и ожиданиями, который подрывает доверие к негосударственному актору со стороны его международных партнеров.

Преодоление такого разрыва возможно путем дальнейшей политической унификации интеграционного образования и расширения спектра его внешнеполитических инструментов, включая сферы безопасности и обороны. Однако ЕС, как свидетельствуют результаты последнего «большого реформирования» в Лиссабоне, не демонстрирует тенденции к формированию институциональной способности проводить единую, а не общую внешнюю политику. Поэтому он больше напоминает многоуровневую и многофакторную единицу, которая действует на международной арене через три взаимосвязанных канала: государства-члены, ОВПБ/ОПБО и ЕС/Комиссия [10, р. 7].

Логика сравнения политической субъектности негосударственного и государствен-

ного международного актора приводит к необходимости оценки его международных действий за традиционной шкалой влияния: нулевое (несущественная способность актора) и полноценное (значительная способность актора). Промежуточными формами такого континуума являются: международное присутствие при отсутствии способности актора (маргинальное внешнеполитическое влияние) и международное присутствие при наличии некоторой способности и важности актора (ощутимое внешнеполитическое влияние) [9, р. 52–54]. Таким образом, формируется четкая привязка политической субъектности к степени политического влияния – чем сильнее влияние, тем ощутимее важность и эффективность международного актора. В такой системе координат «присутствие» является наиболее низким уровнем, а «значительное внешнеполитическое влияние» – свидетельством полноценной способности актора.

Способность ЕС влиять на своих международных партнеров означает, что он владеет международной субъектностью даже при отсутствии единой внешней политики. В свою очередь, эффективность внешнеполитического влияния ЕС определяет динамику формирования его субъектности. С точки зрения внутренних процессов удачное внешнее влияние является источником построения уверенности в себе и служит мотивацией для новых политических инициатив.

Кроме того, способность достигать внешнеполитического результата имеет значительное влияние на формирование международной идентичности политического актора, поскольку международные партнеры будут связывать с ним достижение своих жизненно важных интересов. Как следствие, международная политическая субъектность предусматривает определенную форму самоосознания или «относительно стабильное понимание и ожидания относительно себя» [20, р. 397]. Многие исследователи придерживаются мнения, что идентичность ЕС формируется путем преодоления конфликтного прошлого Европы, для которого характерны агрессивный национализм, баланс сил и война. Как следствие, так называемое поствестфальское «объединение суверените-

та» в Евросоюзе значительным образом влияет на характеристики его международного поведения.

Таким образом, концепт субъектности способен стать основой рассмотрения характеристик негосударственных акторов, в частности ЕС, международная деятельность которого не сводится к сумме внешних политик его государств-членов. Разработанная аналитическая модель включает критерии внутреннего уровня, которые формируют способность, и международного уровня, которые отражают возможность быть актором. Внутренние характеристики ЕС, такие как наличие внешнеполитических компетенций, автономных механизмов принятия решений, процедурных и институциональных условий для осуществления последовательной внешней политики и наличие инструментов, формируют способность актора. На международном уровне возможность ЕС действовать зависит от приемлемости и признания, что проявляется в его различных характеристиках поведения и отношениях с другими акторами как на двустороннем, так и многостороннем уровне. Предложенный подход оценки международной субъектности выходит за рамки традиционной дихотомии «государство – международная организация», а проанализированные критерии позволяют оценить способность Евросоюза быть участником международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сплоченность предусматривает уменьшение различий как между государствами-членами, так и институтами ЕС, и является первым этапом в формировании общности и лояльности. В свою очередь согласованность предполагает прежде всего наличие формальной координации. Х. Кранцлер и Х. Шнайдер определяют согласованность как «скоординированное поведение на основе согласия между Союзом и его государствами-членами с использованием похожих и совместимых методов достижения целей и результатов политики» [14, р. 134].

² Так, например, анализ К. Хилла показывает, что с тринадцати параметров, которые необходимы для того, чтобы иметь «свою собственную внешнюю политику», ЕС в полной мере владеет лишь одним, а частично имеет еще семь [11, р. 317].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Allen, D. The European Union's Security Presence: Barrier, Facilitator, or Manager? / D. Allen, M. Smith // *The European Union in the World Community*. – Boulder, Colo. : Lynne Rienner Publ., 1998. – P. 45–64.

2. Allen, D. Western Europe's Presence in the Contemporary International Arena / D. Allen, M. Smith // *Review of International Studies*. – 1990. – № 16 (1). – P. 19–38.

3. Brewin, Ch. The European Community: a union of states without unity of government / Ch. Brewin // *Journal of Common Market Studies*. – 1987. – № 26 (1). – P. 1–23.

4. Cosgrove, C. The new international actors: the United Nations and the European Economic Community / C. A. Cosgrove, K. J. Twitchett. – L. : Palgrave Macmillan, 1970. – 272 p.

5. European Commission. Communication from the Commission to the European Council of June 2006, Europe in the World – Some Practical Proposals for Greater Coherence, Effectiveness and Visibility. – Brussels, 2006. – 8 June. COM. 278 final. – 10 p. – Electronic text data. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0278:FIN:EN:PDF>. – Title from screen.

6. European Council. European Security Strategy: A Secure Europe in a Better World. – Brussels, 2003. 12 Dec. – 15 p. – Electronic text data. – Mode of access: <http://ue.eu.int/uedocs/cmsUpload/78367.pdf>. – Title from screen.

7. Galtung, J. The European Community: A Superpower in the Making? / J. Galtung. – L. : Allen & Unwin, 1973. – 195 p.

8. Ginsberg, R. Conceptualizing the European Union as an International Actor: Narrowing the Theoretical Capability-Expectations Gap / R. H. Ginsberg // *Journal of Common Market Studies*. – 1999. – № 37 (3). – P. 429–454.

9. Ginsberg, R. The European Union in international politics: baptism by fire / R. H. Ginsberg. – Lanham, Md. : Rowman & Littlefield Publ., 2001. – 305 p.

10. Hill, Ch. International relations and the European Union: themes and issues / Ch. Hill, M. Smith // *International relations and the European Union* / Ch. Hill, M. Smith. – N. Y. : Oxford University Press, 2005. – P. 3–17.

11. Hill, Ch. The Capability-Expectations Gap, or Conceptualizing Europe's International Role / Ch. Hill // *Journal of Common Market Studies*. – 1993. – № 31 (3). – P. 305–328.

12. Jopp, M. Kollektive Aussenpolitik: die Europäische Union als internationaler Akteur / M. Jopp, P. Schlotter. – Baden-Baden : Nomos, 2007. – 397 S.

13. Jupille, J. States, Agency, and Rules: The European Union in Global Environmental Politics / J. Jupille, J. A. Caporaso // *The European Union in the World Community*. – Boulder, Colo. : Lynne Rienner Publ., 1998. – P. 213–231.

14. Krenzler, H. The Question of Consistency / H.-G. Krenzler, H. C. Schneider // *Foreign policy of the European Union: from EPC to CFSP and beyond*. – Boulder, Colo. : Lynne Rienner Publ., 1997. – P. 133–152.

15. Manners, I. The “Difference Engine”: Constructing and Representing the International Identity of the European Union / I. Manners, R. Whitman // *Journal of European Public Policy*. – 2003. – № 10. – P. 380–404.

16. Mansbach, R. The Web of World Politics: Nonstate Actors in the Global System / R. W. Mansbach, Y. H. Ferguson, D. E. Lampert. – L. : Prentice-Hall, 1976. – 326 p.

17. Sjöstedt, G. The external role of the European community / G. Sjöstedt. – Farnborough : Saxon House, 1977. – 273 p.

18. Treaty on European Union // *Official Journal of the European Communities*. – 1992. – № C 191. – P. 1–112.

19. Waiver, O. Identity, Integration and Security: Solving the Sovereignty Puzzle in E.U Studies / O. Waiver // *Journal of International Affairs*. – 1995. – № 48 (2). – P. 388–431.

20. Wendt, A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics / A. Wendt // *International Organization*. – 1992. – № 46 (2). – P. 391–425.

REFERENCES

1. Allen D., Smith M. The European Union's Security Presence: Barrier, Facilitator, or Manager? *The European Union in the World Community*. Boulder, Colo, Lynne Rienner Publ., 1998. pp. 45-64.

2. Allen D., Smith M. Western Europe's Presence in the Contemporary International Arena. *Review of International Studies*, 1990, no. 16 (1), pp. 19-38.

3. Brewin Ch. The European Community: a Union of States Without Unity of Government. *Journal of Common Market Studies*, 1987, no. 26 (1), pp. 1-23.

4. Cosgrove C., Twitchett K.J. *The New International Actors: the United Nations and the European Economic Community*. London, Palgrave Macmillan, 1970. 272 p.

5. *European Commission. Communication from the Commission to the European Council of June 2006, Europe in the World – Some Practical Proposals for Greater Coherence, Effectiveness and Visibility*. Brussels, 2006, June 8, COM. 278 final. 10 p. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0278:FIN:EN:PDF>.

6. European Council. *European Security Strategy: A Secure Europe in a Better World*. Brussels, 2003. Dec 12. 15 p. Available at: <http://ue.eu.int/uedocs/cmsUpload/78367.pdf>.
7. Galtung J. *The European Community: A Superpower in the Making?* London, Allen & Unwin, 1973. 195 p.
8. Ginsberg R. Conceptualizing the European Union as an International Actor: Narrowing the Theoretical Capability-Expectations Gap. *Journal of Common Market Studies*, 1999, no. 37 (3), pp. 429-454.
9. Ginsberg R. *The European Union in International Politics: Baptism by Fire*. Lanham, Md., Rowman & Littlefield Publ., 2001. 305 p.
10. Hill Ch., Smith M. International Relations and the European Union: Themes and Issues. Hill Ch., Smith M. (eds.). *International Relations and the European Union*. New York, Oxford University Press, 2005, pp. 3-17.
11. Hill Ch. The Capability-Expectations Gap, or Conceptualizing Europe's International Role. *Journal of Common Market Studies*, 1993, no. 31 (3), pp. 305-328.
12. Jopp M., Schlotter P. *Kollektive Aussenpolitik: die Europaische Union als internationaler Akteur* [Collective Foreign Policy: the European Union as an International Actor]. Baden-Baden, Nomos, 2007. 397 p.
13. Jupille J., Caporaso J. A. States, Agency, and Rules: The European Union in Global Environmental Politics. *The European Union in the World Community*. Boulder, Colo, Lynne Rienner Publ., 1998. pp. 213-231.
14. Krenzler H., Schneider H.C. The Question of Consistency. *Foreign Policy of the European Union: from EPC to CFSP and Beyond*. Boulder, Colo, Lynne Rienner Publ., 1997, pp. 133-152.
15. Manners I., Whitman R. The "Difference Engine": Constructing and Representing the International Identity of the European Union. *Journal of European Public Policy*, 2003, no. 10, pp. 380-404.
16. Mansbach R.W., Ferguson Y.H., Lampert D.E. *The Web of World Politics: Nonstate Actors in the Global System*. London, Prentice-Hall, 1976. 326 p.
17. Sjöstedt G. *The External Role of the European Community*. Farnborough, Saxon House, 1977. 273 p.
18. Treaty on European Union. *Official Journal of the European Communities*, 1992, no. 191, pp. 1-112.
19. Waiver O. Identity, Integration and Security: Solving the Sovereignty Puzzle in E.U Studies. *Journal of International Affairs*, 1995, no. 48 (2), pp. 388-431.
20. Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*, 1992, no. 46 (2), pp. 391-425.

INTERNATIONAL POLITICAL ACTORNESS OF THE EUROPEAN UNION: EVALUATION CRITERIA

Gnatyuk Nikolay Nikolaevich

Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor,
Department of Political Science,
National University of Kyiv-Mohyla Academy
mgnatyuk@gmail.com
Skovorody St., 2, 04655 Kiev, Ukraine

Abstract. The European Union is a completely new international entity which is hard to evaluate using traditional criteria of political actorness. Its active international presence stimulates the modeling of international actor features beyond the scope of "state-international organization" scheme.

The concept of international actorness serves as a starting point for the development of appropriate analytical model. Unlike the traditional state-centered approaches which define an international actor through its affiliation with the international system, this concept operates at the internal level of international entity and at the international structure level. Furthermore, both of these levels are treated as ontologically neutral and mutually constitutive.

This basic theoretical scheme is used for elaboration of evaluation criteria of political actorness. The proposed system of criteria is based on drawing, synthesizing and developing the main writings on "new international actors" since the times of classic work by Carol A. Cosgrove and Kenneth J. Twitchett. The key elements of actorness assessed in this article include defining of capacity to act on the global scene as well as the acceptance by other actors and by international system as a whole.

At the internal level, the EU's actor capacity is measured by assessing its core elements ranging from core aspects, such as autonomy, authority, actor capability, coherence and cohesion to identity aspects. On the external level, the decisive criteria are recognition and acceptance by others which reflect expectations and perceptions of the EU.

The proposed approach of evaluating the international actorness enables us to consider the political activity of the EU on the basis of coordinated system of interaction between the variables of international and domestic levels of the analysis. Furthermore, this contributes to the development of cumulative, coherent, and comprehensive theory of international actorness.

Key words: actor of international relations, political actorness, international system, European Union, integrational structures.